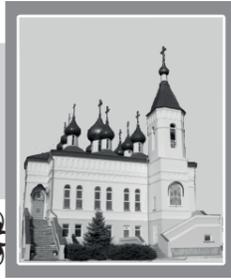

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Меня удивляет работоспособность прежних эпох. Современный человек, да и я сам себе, кажутся мне тем персонажем дневников Кафки, где говорится,

Слово пастыря

что некий человек тяжело дышал, словно только окончивший бой гладиатор. Между тем его работой можно было окрасить всего лишь небольшую часть стены в скромном присутственном месте. Так мы и живем. Устаем без меры, но объем полезных работ ничтожен. Суeta жирует, как раковые клетки, все живое и творческое. Весь пар уходит в свистки. И сколько ее, усталости! Но сколько и помпы от даром затраченных усилий! Время вспомнить того чудака из анекдота, который покупал яйца по рублю за штуку, варил их и уже вареными продавал опять по рублю за штуку. На вопрос, что ему пользы с этой бессмысленной деятельностью, он отвечал – навар остается.

«Навар» от нашей суety – простая кипяченая вода. Так мне кажется. Но вот примеры иных времен, которые нам, по причине глупой надменности, могут показаться временами примитивизма и дикости. Мобильников тогда не было, на курорты не летали. Но там люди трудились и не били воздух, а достигали цели. Вот Лопе де Вега. Этот испанец написал две тысячи (!) пьес и еще на одну тысячу больше сонетов. Две тысячи пьес! Читали кто из нас за жизнь в сумме столько пьес самых разных авторов? Ходил ли столько раз за всю жизнь в театр? Можно возразить, что, мол, сюжеты шаблонные, а жизнь требовала новенького к каждому воскресенью и т.д. Согласен. Но все же я остаюсь замороженным перед числом «две тысячи». И ведь не жил как сыр в масле на испанской литературной даче. В армии служил, близких терял, учился, молился, грешил, каялся. И вот при всем этом такая работоспособность. Со всеми интернетом, удобствами и прочими штучками современник наш пишет за жизнь два никудышных сонета, полторы пьесы, а к ним – двухтомник мемуаров о муках творчества. Есть с чем сравнить и от чего смириться.

Или хотя бы Жюль Верн. Этот чудака написал более шестидесяти романов, предсказав полеты на Луну, самолеты, вертолеты, телевидение и прочую всячину, но исклучая электрического стула. После его смерти были найдены среди бумаг 20 тысяч (!) тетрадей с выписками из самых разных областей человеческого знания. Можно только представить, насколько настырным, жадным к знаниям и работоспособным человеком был этот фантаст. Странно, когда он спит и есть успева. Сродни ему и наш писатель Беляев. Тот тоже нафантазировал кучу всего, включая человека-амфибию, голову профессора Доуэля и прочее. Семнадцать романов плюс повести и рассказы. Семнадцать не шестьдесят, конечно. Но примите во внимание, что Беляев шесть лет был прикован к постели после травмы спины и три года лежнем пролежал в корсете из гипса. Его, лежачего, даже жена бросила, как безнадежного. А жил он в лихолетье Гражданской войны, социалистического строительства и прочих «радостей», которые человеку можно пожелать только в качестве проклятия. И я удивляюсь работоспособности этих людей. Учились, читали, думали, не унывали. Я удивляюсь их оптимизму, их жадности к знанию и творчеству.

Я беру здесь навскидку известные мне примеры литературы. Но беру их в качестве примеров не литературы только, а трудолюбия, свойственного

эпохе. Потому что если есть такой настырный и талантливый литератор, то есть, несомненно, где-то рядом с ним и подобный ему настырно-талантливый инженер, и такой же геолог, педагог, спортсмен, военачальник. Работоспособность, жертвенность, энтузиазм здесь только маркеры эпохи, которая открылась и в литературе, и в иных многих жизненных областях.

Жаловаться легко. Виновных искать легко. Легко унывать и списывать свою бесполезность на тысячи факторов. Только творить и работать трудно. Всем, например, не хватает денег. Не спорю. А ну покажитесь те, кому ума не хватает, терпения, знаний? Кто признается в этом и согласится с такой постановкой вопроса? Что, никого? Никого. Все уверены, что ума-то у них палата, и работающие они, и щедрые, и все остальное. Только, мол, судьба-злодейка обошла с наградой, и в фаворе нынче не мы. Ума нам хватает, и работоспособности, и прочего. И разве это не гнилое мировоззрение? Жадность и тупость, разврат и лентяйство сплошь и рядом обижены на весь мир за то, что не они миром правят. И ни слова о тяжелом труде. О неизбежном, ежедневном и тяжелом труде, если ты хочешь чего-то добиться. Ведь если хочешь мост построить, математику придется выучить. И черчение освоить придется. Хочешь, чтоб Бог тебя слышал, сделай Его ради что-то. Выучи псалмов двадцать наизусть хотя бы. Это вовсе не сверхзадача. И так во всех областях. Посмотри, как трудились те, чьи имена известны всему миру.

Не привожу намеренно имен людей святых. Их подвиги свергают безбожное болото в уныние. «Я так никогда не смогу». Согласен. Но посмотри хотя бы на мирских тружеников. Не берем Моцарта. Это гений и его не скопируешь. Бетховена тоже не берем. Даже Ван Гога не берем. Возьмем хотя бы Жоржа Сименона. Вот мастер бытового детектива, то есть детектива, не связанного с политикой. Ничего особо великого, но!.. Этот человек написал почти полтысячи книг. Половину под настоящим именем, половину – под псевдонимами. Он прожил жизнь негра на плантации, где плантацией был письменный стол. Да, была слава и деньги. Со временем. Но весь этот труд – это же рабство, это жизнь гробца на галере. И таких рабов таланта можно встретить во всяком роде деятельности. В спорте, бизнесе, музыке, науке. Когда ты видишь такого взмыленного, уставшего и успешного человека, то не спеши ему завидовать. Спроси себя: чем он за эту славу заплатил? Будь уверен, цена есть, и она велика. Просто мы хотим пользоваться благом, ничего не платя, и это, простите, духовное свинство.

Современный человек воистину потребитель. Так его называли кукловоды, да и самому ему это имя и этот статус нравятся. А потребитель – это не творец. Слава – у творца и награда – у творца. У потребителя только раздраженный вкус и поиск новых удовольствий. Может быть еще скидочная карта. Но не более. И общество потребления – это общество гордых потребителей, которым не нужны герои и герои, но только скидки и распродажи, только бунты и пиры, от которых наутро стыдно.

Это подлинное общество духовной смерти без взлетов и прозрений. И чтобы узнать об этом, необязательно читать житие Симеона Столпника. Достаточно бегло ознакомиться с творческим наследием хотя бы Жюль Верна.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

отрезком времени от родительного дома до кладбища, – то тогда бедствия и страдания человечества можно было бы воспринять как несправедливость. Надо сказать, что этим доводом часто пользуются атеисты. Но земная жизнь – не самоцель, а приготовление к вечности, где открывается истинная жизнь в ее совершенстве и полноте. От чего происходят бедствия? Из-за злоупотребления человеком великим даром – свободой воли. Зло, – индивидуальное и общественное, – как бы складываясь и умножаясь, превращается во взрывчатую силу, которая потрясает нашу землю. Виновные получают через войны, стихийные бедствия и т.п. наказание, а невинные, пройдя через огонь испытания – награду; все мы нуждаемся в очищении, а страдание – вид очищения.

Если ставить вопрос так, как вы, то придется прийти к выводу: при благополучии и счастье на земле смерть будет восприниматься как еще большая трагедия и несправедливость. Если существовало бы земное бессмертие, то оно было бы увековечиванием человеческих страстей и грехов, то есть несовершенной жизни. У Свифта есть иронический пассаж о том, что в некоторой стране некоторые люди рождались с клеймом земного бессмертия и родные оплакивали это как бедствие. Смерть – это не последняя страница книги, которая называется «Жизнью человека», не провал в небытие; смерть – дверь в вечную жизнь, через которую должен пройти человек для своего духовного преображения.

Что касается женщины, решившейся на аборт, то она убила в себе материнское чувство – самое высшее из земных чувств, которыми наделена женщина; она убила в себе супругу, которая должна рожать своему мужу детей; она убила в себе человеческую совесть, желая избежать трудности через убийство. Этим она поставила себя ниже дикого зверя, который не убивает своего детеныша. У народа есть выражение: «пожрала своего ребенка». Некоторые говорят, что делают аборт или предохраняются для сохранения семьи. Но ведь отступники от Христа тоже оправдывали себя, что отступили от веры ради своих родных. Но оправдывает ли это их измену? Пролитая кровь ребенка духовно разделяет супругов друг от друга. Преступление не может соединить двух преступников; в лучшем случае они остаются партнерами. Грех – это центробежная сила, которая разлучает людей, родных делает чужими, поэтому существует прямая связь между абортами и числом разводов. Впро-

Почему Господь попускает войны, эпидемии, стихийные бедствия, смерть в огромных количествах возлюбленных чад Своих, даже безвинных детей? Разве это любовь? В то же время женщина, решившаяся на аборт, – великая грешница!

Если наша жизнь ограничивалась бы только земным существованием, отрезком времени от родительного дома до кладбища, – то тогда бедствия и страдания человечества можно было бы воспринять как несправедливость. Надо сказать, что этим доводом часто пользуются атеисты. Но земная жизнь – не самоцель, а приготовление к вечности, где открывается истинная жизнь в ее совершенстве и полноте. От чего происходят бедствия? Из-за злоупотребления человеком великим даром – свободой воли. Зло, – индивидуальное и общественное, – как бы складываясь и умножаясь, превращается во взрывчатую силу, которая потрясает нашу землю. Виновные получают через войны, стихийные бедствия и т.п. наказание, а невинные, пройдя через огонь испытания – награду; все мы нуждаемся в очищении, а страдание – вид очищения.

чем, здесь виновата не только женщина, но также и мужчина, только в большинстве случаев за женщиной остается последнее слово.

Как объяснить страдания детей (например, медленно умирающих от голода в Африке), ведь Бог – любовь?

Бог не создал смерть и не радуется гибели человека. Смерть и страдания – следствие греха, грех – следствие свободной воли, вернее, неправильного употребления воли в выборе между добром и злом. Грех ввел в мир смерть и превратил историю человечества в драму, написанную слезами и кровью. Человечество – это единое поле, на котором растут вместе пшеница и ядовитые растения (притча о плевелах). Грех не только отравляет души людей, но создает трагические ситуации. Одно из самых тяжелых переживаний для человека – видеть страдания и смерть невинных детей.

Человечество происходит из одного корня. Грех как червь поразил этот корень. В метафизическом плане человечество – это единство во множественности, и поэтому все оно участвует в трагедии грехопадения и его последствий. Господь создал человека для вечности, и поэтому сама смерть является началом новой жизни. За страдания невинных детей Господь даст им утешения, которые неизмеримо превысят их страдания. Здесь на земле мы можем знать только отчасти, как бы познавать предметы, рассматривая их тени, а в вечной жизни мы увидим то, что для нас здесь тайна, и тогда перед нами откроется промысел Божий в его величии и свете любви. Советую вам почитать книгу протоиерея Валентина Свенцицкого «Диалоги», где он рассматривает эти вопросы с большой глубиной.

В чем несовместимость йоги с христианством?

В йоге нет Личного Бога, а безликий абсолют, единосущный с человеческим духом. В йоге нет человека как личности, он только временный феномен. В йоге человек состоит из божественного атмана и целого ряда тел, – астрального, эфирного, ментального и т.д., – которые облекают атман, как кочерыжку капустные листья. Советую вам открыть молитвенник с текстом Символа веры, и каждый его пункт сравнить с учением йоги. Вы не найдете там ни одного совпадения.

Прочитала где-то, что есть раскаяние, а есть самоедство. Последнее является тяжелым состоянием, которое нужно изводить при помощи мудрого наставника. Как бороться с самоедством?

Покаяние – это цепь, натянутая между двух столпов: скорби о своих грехах и надежды на помощь Божию. Если падет первый столп, то человек впадет в беспечность; если второй – то в уныние. «Самоедство» – неудачное слово, оно скорее напоминает мазохизм – искание наслаждений в чувстве боли. А в покаянии человек скорбит, что через грех оскорбляет Бога и теряет благодать. С унынием (тем, что вы назвали «самоедством») нужно бороться памятью о благодеяниях Божиих, и о разбойнике, который через покаяние первым вошел в рай.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

21.05.2017. Патриарх Кирилл передал для Папы Римского старинную икону святителя Николая Чудотворца.

22.05.2017. Начался визит в Россию главы Коптской Церкви. 22 мая в Москву прибыл Патриарх Коптский Тавадрос II. Поводом для визита стало награждение Патриарха Тавадроса премией Международного общественного фонда единства православных народов, сообщает Служба коммуникации ОВЦС.

23.05.2017. Патриарх Кирилл предложил принести из Египта мощи основоположников монашества. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к патриарху коптской церкви Тавадросу II с

НОВОСТИ

предложением организовать доставку мощей основоположников православия из Египта в Россию. Такое предложение

было сделано в ходе встречи, которая прошла в патриаршей резиденции «Даниловская» в Москве, сообщает ТАСС.

24.05.2017. Бельгийские католические епископы подтвердили недопустимость эвтаназии.

25.05.2017. Путин принял участие в освящении нового храма в Сретенском монастыре. Новый собор на территории Сретенского мужского монастыря возводился на протяжении более трех лет на пожертвования и был построен к 100-летней годовщине трагических революционных событий 1917 года.

«Ветро незабудок» и другие рассказы Александра Богатырева

Продолжение. Начало в № 7 (400)

И все же дьякон Виктор стал иереем! Семерых детей даже в священнических семьях не часто встретишь. Каждое лето возникала проблема: где проводить каникулы. Дачи у Нечаевых не было. И вдруг позвонили из клуба православных родителей и предложили отправить пятерых младших в лагерь, расположенный на берегу большого озера. Этот лагерь находился в соседней епархии, и опекал его местный архиерей. В первую очередь принимали детей из многодетных семей и семей священников.

Отец Виктор обрадовался. Приглашение получили также его матушка и он сам. Матушка – на должность фельдшера, а он – педагога-воспитателя. А через некоторое время к ним присоединилась и старшая дочь Люба. Она накануне окончила регентские курсы. Вместе с матушкой они быстро собрали из детей священников хор, и когда на открытие лагеря приехал архиерей, встретили его таким замечательным пением, что владыка в шутку предложил им по окончании сезона идти к нему петь в кафедральном соборе. Владыке понравился не только хор, но и все, что приготовили к его приезду. На этой архиерейской трапезе судьба отца Виктора сложилась не в пример удачнее, нежели на предыдущей. Духовник лагеря попросил его сказать тост. Сильно волнуясь, Виктор произнес дежурное приветствие. Он помнил, что ему лучше при архиереях держать язык за зубами.

Но владыка этого ему не позволил. Узнав о том, что отец Виктор кандидат наук и школьный преподаватель, он стал расспрашивать его о том, как можно организовать учебный процесс в православной гимназии. Ответы отца Виктора владыке понравились.

– А почему вы дьякон? – спросил он. – Наверно, голос уникальный?

– Да нет, голос у меня посредственный. – И Виктор рассказал о том, как оконфузился и прослыл «начальственनावистником и протестантом». Рассказал он это смешно, и владыка долго смеялся. А через неделю в лагерь прикатил архиерейский автомобиль, но без хозяина. Шофер сообщил, что машина прислана за отцом Виктором.

На следующий день во время воскресной литургии дьякон Виктор наконец-то был рукоположен во пресвитера и еще через день отправлен в монастырь, где ему предстояло отслужить сорок литургий. Наставлял его восьмидесятилетний игумен Корнилий, прослуживший Господу Богу более полувека. Он проявил поистине отцовскую любовь к молодому иерею. За полтора месяца пребывания в монастыре на Виктора было пролито столько любви, что она с лихвой покрыла недостаток того, что он мог получить от родного отца. В первую неделю отец игумен подолгу говорил с молодым священником обо всем: как нужно относиться к политике, ко греху, к человеческим слабостям. Он провел генеральную исповедь. Отец Виктор вспоминал все, начиная с раннего детства, что порой всплывало в его памяти и мучило совесть. Рассказал он и о том, как его били дети. Но это была скорее жалоба, а не исповедь. Отец Корнилий неожиданно надолго остановился на этих болезненных для Виктора эпизодах и стал подробно о них расспрашивать.

– А ты-то сам как относился к этим детям?

– Что вы имеете в виду? Как можно относиться к тем, кто тебя регулярно избивает?

– По-разному. Можно возненавидеть их, а можно попытаться понять, за что тебя бьют.

Виктор задумался:

– Как-то было не до раздумий. Поводов я не давал. Я не дразнил их, не придумывал обидных кличек. Просто не общался с ними и не обращал на них внимания.

– Так, может быть, в этом дело. Ты испытывал к ним ненависть?

– Да. Очень сильную.

– И никогда не пытался установить с ними контакт? Пригласил бы к себе в комнату, предложил бы какую-нибудь игру...

– Нет, батюшка. Мне и в голову такое не приходило. Я старался прошмыгнуть поскорее мимо, если мне удавалось.

– От деда с матерью ты, наверно, слышал о том, что гегемон отнял у вас три комнаты и пользуется вашим добром?

– При мне они, насколько помню, об этом не говорили. Но я знал это. Комнаты им отдали со всем нашим имуществом. Мама даже не могла получить бабушкину шубу и одежду, потому что она осталась в шкафу, который соседи не отдавали. Не вернули нам

ни картин, ни мебели. Особенно было жалко книг. Соседи их не читали, а продавали в «Букинист».

– Значит, ты с пеленок знал, что живешь во вражеском окружении, и относился к соседям, как к врагам?

– Пожалуй.

– Но ведь дети остро переживают, когда их не любят и презирают.

Об этом Виктор никогда не думал. Однажды Вера Сергеевна хотела пригласить маленьких соседей на его день рождения, но он устроил истерику и сказал, что убежит из дома, если она это сделает. Он действительно ненавидел их и мечтал о каком-нибудь взрослом заступнике, который бы регулярно делал с ними то, что они проделывали с ним. Вот и получается, что он был таким же злым мальчиком, только у него не получалось проливать эту злость, как у них. Отец игумен показал Виктору то, что он носил в душе всю жизнь, и даже не догадывался о том, что в этом нужно покаяться. Да, он был зол и мстителен в душе, желал обидчикам зла.

– А ты не пробовал молиться о них? Нам Господь заповедовал молиться о врагах наших.

– Ну, это, батюшка, высший пилотаж. Редкие взрослые на такое способны, а дети...

– Я знал и детей, которые молились о тех, кто арестовывал их родителей. Конечно, это, как ты выразился, высший пилотаж. Но христианство – это и есть самое высокое, что даровано человеку Господом. Нам нельзя «парить нызэньку». Саможаление и вражда на образ Божий делают бесполезной молитву. Мы ведь перед причастием слышим: «Прежде примирись с обижающими тебя». Господь молился за распинавших Его.

Все это Виктор знал с детства. Но лишь во время этой беседы почувствовал, что слова Евангелия обращены к нему лично. Отец Корнилий так просто объяснил ему причину его постоянного угнетенного состояния: непрощение обид и нереализованное желание отомстить. А также жалость к самому себе и презрение к ближним. Отсутствие любви, настоящей христианской любви – великая беда. И Виктору придется поработать над своей душой. Без любви из него не получится настоящий священник. А что такое любовь? Любил ли он кого-нибудь? Мать, конечно, любил. Но это был скорее инстинкт, а не высокое чувство. Он даже не был уверен, что любит свою жену. Они как-то обошлись без всего того, что так мучает в молодости. Не было никаких приступов страсти, не было ни томления, ни ожидания чего-то неведомого и прекрасного. Есть ли в нем готовность пожертвовать ради нее жизнью или чем-то очень дорогим?

Отец Корнилий долго сидел молча, словно давая возможность Виктору поговорить с самим собой и увидеть то, мимо чего всю жизнь проскальзывало его внутреннее зрение.

– Проси Бога, чтобы Он «дух прав обновил во утробе твоей» и чистоты сердца проси, но и сам себя блюди.

В тот же вечер отец игумен дал ему молитвенное правило. Монастырскому люду было приказано не замечать его: монахиням не обращаться ни с какими разговорами и ни с какими просьбами. Он не позволил ему исповедовать их. Это был очень ценный запрет. Виктору было необходимо побыть в тишине и мире. Это был первый опыт тихого, безмолвного жития. И он дал плоды.

Прошло несколько дней, и вдруг во время литургии Виктор почувствовал никогда ранее не испытываемый восторг. Такой же восторг он испытал во время следующего служения. Сердце его трепетало от радости. Оно наполнилось любовью. Конечно, это была любовь. Он сразу узнал ее. Это о ней говорил ему отец игумен. Наверно, по его молитвам Господь дал ему почувствовать, что это такое. В его душе тихо разгорался сладкий огонь. В этом пламени сгорели обиды, недовольства, страхи, недоуменные вопрошания к близким и самой жизни. Он любил всех. И если бы к нему подошли его обидчики из детства, он бы расцеловал их, как самых дорогих и близких людей. Несколько дней он проходил в этом радостном состоянии, боясь, что оно вот-вот прекратится. Но оно продолжалось почти до самого окончания его монастырской стажировки. Иногда чувство восторга было так сильно, что он начинал бояться, как бы душа его не покинула тело и не улетила к Тому, перед Чьим престолом он дерзнул предстать. Он даже дышать стал с осторожностью: ему казалось, что в восторгом наполняются его легкие, а Духом Святым. Он чувствовал приятный жар в ноздрях и легкое головокружение. Об этих ощущениях он боялся рассказать своему наставнику: а вдруг скажет, что это прелесть, и прикажет не обращать на них внимания.

Да еще подскажет, как от них избавиться. А ему так не хотелось от них избавляться. Но эти ощущения очень скоро прекратились. Восторг же он продолжал испытывать за каждой службой. В теле его появилась необыкновенная легкость. Он буквально порхал во-

круг престола и по амвону. Он и внешне изменился: перестал сутулиться. В глазах исчезла не покидавшая его всю жизнь печаль. Он с удивлением рассматривал в зеркале свое лицо и не мог поверить в то, что такое возможно.

– Пожалуй, скоро орлом начну глядеть, – усмехался он, вспоминая науку секретаря теперь уже соседней епархии.

Игумен видел его состояние и радовался за него. Но восторг покинул отца Виктора, как только он оказался на месте назначения. Это был военный городок, переставший быть таковым. Воинскую часть расформировали. Большая часть уволенных военных разъехалась, а оставшиеся, вместе с потерявшим работу обслуживающим персоналом и гражданскими пенсионерами, пребывали в унынии и хроническом безделье. Летом и осенью жили лесом: грибы да ягоды и круглый год – рыбалкой. Рыбачили не все, но пьянствовало не только мужское население, но и большая часть женского. Несколько жительниц этого городка написали в епархию письмо. Это был крик коллективной души. Писали о том, что народ погибает от пьянства и невозможности найти работу. Смысл жизни и сама воля к жизни у многих утеряна. Нужно срочно прислать грамотного священника для просвещения народа. Владыка уже прислал в этот городок троих кандидатов, но те, увидев, что церкви нет, да и с пастовой негусто, отказывались выполнять волю владыки. Лишь один служитель алтаря продержался здесь три месяца, а потом сбежал, затерявшись где-то на просторах Малороссии.

Отец Виктор отказаться не посмел. О строительстве храма речи не шло. Под церковь отдали здание бывшего клуба. Большевики храмы либо взрывали, либо устраивали в них склады и клубы. Здесь же получилось наоборот. Да к тому же храм был назван в честь Новоумучеников Российских. Их отец Виктор почитал сугубо. Один из его дедов был расстрелян, другой провел в лагере десять лет.

Под храм была приспособлена половина клуба. В другой отцу Виктору предстояло организовать себе жилье. Между двумя частями клуба просторное фойе с закутком для книжной лавки и отгороженным помещением для воскресной школы и трапезной. Места для начала предостаточно. Только заполнять его было некем. На службы приходили даже не все активистки, составившие прошение об открытии церкви. На воскресных службах не всегда можно было насчитать десяток благочестивых старушек. Престол уже был освящен при предыдущем священнике. Хлипкая фанерная перегородка, отделявшая алтарную часть, всякий раз при открытии царских врат и дьяконских дверей ходила ходуном, норовя завалиться на престол. Нужно было срочно укреплять ее. Пришлось отцу Виктору освоить премудрость столярного дела. Все попытки его прихожанок упростить кого-нибудь из мужчин поработать в храме оказались безуспешными. За короткое время отец Виктор познакомился с родным народом, вернее, с той его частью, для которой Церковь оставалась прежней карикатурой, нарисованной большевиками: сборищем обманщиков и эксплуататоров, сидящих на шее у трудового народа. Отца Виктора трудно было заподозрить в эксплуататорских замашках. Весь городок знал, как он добывает пиломатериалы для церкви, как сам строит и пилит, стучит молотком и красит вместе с детьми облупленные стены бывшего клуба. А потом с женой и потомством идет в лес, запастись на зиму грибами. Слава Богу, год выдался урожайным. Они успели собрать бруснику и клюкву, засушили около четырех килограммов грибов. Тех рублишек, которые вносили в церковный корван прихожанки, едва хватало на хлеб. Правда, на кануне – поминальном столике – иногда появлялись целлофановые мешочки с картошкой и прочими дарами огородов. Но не скудный паек огорчал отца Виктора. Трудно было пробудить в народе веру и понимание того, что Церковь необходима человеку для спасения. Здесь, к его удивлению, успели поработать еретики. Странно было слушать отставного подполковника советской армии, повторявшего душегубительные выдумки «свидетелей Иеговы» и злобные тирады в адрес Православия. На единственном собрании бывших военных отец Виктор произнес проникновенную проповедь. Он напомнил отставникам, что в их дивизии было семь кавалеров ордена Александра Невского. Рассказал им коротко житие этого великого святого и молитвенника за землю Русскую. Убедительным оказался пассаж о том, что настоящие воины российские по сути своей являются воинами Христовыми, поскольку защищают землю, обильно политую кровью славных православных воинов и новомучеников. Офицеры слушали по-разному. Одни даже аплодировали ему, когда он закончил речь. Другие уходили не дослушав ее окончания. Но даже те, кто слушал его со вниманием, в храм не спешили. Урожай оказался скудным.

Лишь два очень пожилых офицера время от времени стали приходить на службы.

Продолжение следует

Отметим

Сказал авва Исаия: «Господь научает: «Буди увещаваяся с соперником твоим скоро, дондеже еси на пути с ним, да не предаст тебе соперник судии, и судия предаст тя слуге, и в темницу ввержен будеши. Аминь глаголю тебе: не изыдеши оттуду, дондеже воздаси последний кодрант» (Мф. 5, 25-26). Объясняют Отцы, что соперником названа здесь совесть, как сопротивляющаяся человеку, когда он захочет исполнять пожелания падшего естества. Если человек не окажет ей повиновения: то она, по праведному суду Божию, предаст его врагам-демонам».

«Пророк Осия с плачем говорил о Израильском племени Ефрема: соодоле Ефрем соперника своего, и попра суд: «Египта молящая» (искал помощи у Египта), «и во Ассирианы» взят бысть насильно (Ос. 7, 11). Ефрем, ищущий помощи у Египтян, изображает собою сердце, стремящееся к исполнению плотских пожеланий; взятием Ефрема в страну Ассириан изображается порабощение сердца демонам уже против воли его. Невольно бывает следствием произвольного».

«Приложим попечение о себе, чтоб не впасть в руки врагов наших, то есть, чтоб не возобладала над нами воля плоти нашей и не увлекла нас насильно в страну Ассириан, чтоб не раздалась о нас горестная весть: «совершил царь Ассирийский нашествие на землю Израильскую, переместил племя Ефрема из отечества его в страну Ассирийскую, поселил там на реках Алои и Аворе [в русской Библии – «В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских».] (4 Цар. 17, 6) Там они и до сего дня». Постигло бедствие Ефрема за то, что он поступал вопреки представлениям соперника-совести и попра суд».

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

28 мая, вс. – Неделя 7-я по Пасхе, святых 318 богоносных отцов Первого Вселенского Собора. Попрасидство Вознесения. Блгв. царевича Димитрия, Угличского и Московского. Прп. Пахомия Великого. Свт. Исидора, еп. Ростовского.

29 мая, пн. – Понедельник 7-й седмицы по Пасхе. Попрасидство Вознесения. Прп. Феодора Освященного, ученика прп. Пахомия Великого.

30 мая, вт. – Вторник 7-й седмицы по Пасхе. Попрасидство Вознесения. Ап. Андроника и иже с ним. Прп. Евфросинии, в миру Евдокии, вел. кн. Московской.

31 мая, ср. – Среда 7-й седмицы по Пасхе. Попрасидство Вознесения. Мч. Феодота Анкирского и мщч. семи дев. Мчч. Петра, Дионисия и иже с ними.

1 июн., чт. – Четверг 7-й седмицы по Пасхе. Попрасидство Вознесения. Блгв. вел. кн. Димитрия Донского и вел. кн. Евдокии, в инокинях Евфросинии. Владимирской иконы Божией Матери (с 3 июня). Равноап. царя Константина и матери его царицы Елены (с 3 июня).

2 июн., пт. – Пятница 7-й седмицы по Пасхе. Отдание праздника Вознесения Господня. Обретение мощей свт. Алексия, митр. Московского и всея Руси.

3 июн., сб. – Суббота 7-й седмицы по Пасхе. Троицкая родительская суббота.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!